

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Г.И. МУСИХИН

Риторическая аргументация и политическая символизация

Анализируется политическая аргументация как механизм выработки политических смыслов, отображающихся и артикулирующихся в ходе политической делиберации. Специфический характер такого механизма делает неопределенность развития субстантивным свойством политики. Язык политической аргументации рассматривается не как отражение политических процессов, а как само политическое коммуникативное действие. Комплекс риторических приемов концептуализируется в качестве способного к самостоятельному смыслообразованию механизмов политики, который может производить новые идеи и убеждения. В политическом контексте категории выступают не элементами мышления, а явлениями риторики. В ходе публичной делиберации категории служат не формообразующей силой мысли, а объектами обсуждения и аргументации. Целесообразнее оперировать понятием риторической политической ситуации как явлением политической реальности. Политическая коммуникация в таких ситуациях, как правило, будет провоцировать эпистемологические и нравственные дилеммы, делающие нормативную и утилитарную оценку неоднозначной, а потому неконвенциональной. Однако особенность политической символической реальности в том, что такая оценка обязательно последует.

Ключевые слова: политическая символизация, риторика, политическая аргументация, риторический политический анализ.

DOI: 10.7868/S0869049918030127

Сфера понимания политики — основное поле деятельности политической теории. Однако зачастую такое понимание замыкается на самое себя как понимание понимания. То есть довольно часто теоретики оперируют понятиями как таковыми, данными в их семантическом значении. Это ведет к тому, что подобное понимание (это особенно заметно в политической лингвистике) следует логике теории языка, но не логике теоретизирования политики. В этой связи особое внимание следует уделить теоретизированию политической аргументации для образования политических смыслов. Последнюю можно трактовать как специфический “эпистемологический след” политической символизации, представляющий как коллективное самоосознание в ходе неконвенционального толкования политических суждений [Мусихин 2015⁴]. Теоретический анализ политической аргументации может помочь понять, каким образом подобное самоосознание заявляется, отображается и атрибутируется в ходе политических делибераций [Dryzek 2010], делая неопределенность и непредзаданность развития субстантивным свойством политики.

М у с и х и н Глеб Иванович — доктор политических наук, профессор, советник Московской конфедерации промышленников и работодателей. Адрес: 123557, Москва, Малая Грузинская ул., д. 39.
E-mail: glebmus@yandex.ru

Рассматривая политическую аргументацию как риторику [Мусихин 2016], крайне осторожно следует относиться к традиционному вокабуляру политической науки, оперирующим такими категориями, как политические интересы, принятие решений и т.п. Обращаясь к теоретизированию “политических разговоров” как политической символизации, нужно понимать, что язык здесь рассматривается отнюдь не как отражение политических процессов: *разговоры и есть политическое коммуникативное действие как таковое* [Burman, Parker 1993; Edwards 1997; Harré, Gillett 1994; Potter 2000; Shotter 1993]. Можно сказать, что политический нарратив не маскирует никакой “когнитивной тайны” политики, ее понимание нужно искать в политическом нарративе.

Это не означает, что такое понимание откроется через простой пересказ или интерпретацию политических текстов и нарративов. Методы анализа могут быть самыми разнообразными. Однако в его ходе *нужно избежать подмены предмета*, что довольно часто происходит в различных направлениях политической науки (политической психологии или политической лингвистики, например). Два названных направления внесли и вносят существенный вклад в приращение научного знания, но это не столько вклад в понимание политики, сколько углубление изучения поведения и языка, для которых политика — важный, но второстепенный элемент.

Политическая аргументация как имплицитная тенденциозность

Не секрет, что в политическом контексте слово “риторика” если и не оскорбление, то уж точно используется для дискредитации тех, кого “уличают” в ее применении. В рамках обыденного восприятия риторику зачастую отождествляют с искусной демагогией, которая либо прикрывает отсутствие смысла красивыми фразами, либо стремится ввести адресата в заблуждение. Негативное отношение к использованию риторики в публичной политике имеет место и в рамках политических исследований. Отмечается, что зачастую риторические приемы исследуют как инструменты уклонения от обсуждения реальных политических проблем, сокрытия реальных интересов политических акторов или завоевания популярности [Fairclough 2000]. Одна из причин негативного отношения к риторической аргументации в политике — возможность прибегнуть к *лингвистической манипуляции* в ходе толкования политических смыслов. Во многом это обусловлено массовым стереотипом, имеющим место не только на уровне здравого смысла, но и в научных кругах [Chilton 1998, p. 688]: предполагается, что язык, будучи универсальным средством общения, в политике неким “загадочным” образом теряет свою универсальность, становясь лишь средством управления. И коль скоро применение прямого насилия не считается рутинной современной политики, “политическому языку” не остается ничего, кроме стратегии манипулирования, то есть «сознательного его использования как “окольного способа контроля над другими”» [Fairclough 2001, p. 6]. Механизм такого манипулирования представляет собой применение косвенных речевых актов, направленных на создание прелокутивных эффектов по поводу сказанного.

Политический язык можно считать лингвистической *манипуляцией*, если исходить из того, что определенное воздействие политических агитаторов обязательно вызовет *предсказуемую* реакцию социума. Ситуация, когда социальная группа может истолковать политическое послание непредсказуемо, не рассматривается, хотя это часто происходит. И на этой *непредсказуемости* коллективного толкования основана принципиальная непредсказуемость (и потому справедливость) всех выборов с реальной альтернативой.

Многочисленные “барометры” общественного мнения отслеживают рост или падение популярности политиков, партий и политического курса после того или иного политического послания или предложения. В таком виде это действительно исследование языковой манипуляции в политике. Но гораздо сложнее отследить, казалось бы, очевидную вещь: что *реально было услышано* обществом, вызвав ту, а не иную реакцию. То есть большинство эмпирических исследований массового политического поведения явно или косвенно выстраивает прямую связь между *значением* того, что сказано политиками, и коллективным политическим *действием* тех, что сказанное услышали. В то время

как реальность развития политических смыслов движется не от значения к значению и действию (в этом случае политика была бы идентична семантике), а от *суждения* к *суждению* и *толкованию*, последнее уже можно считать политическим действием. Метод фокус-групп в данном контексте — не более, чем попытка “доводки” манипулятивного лингвистического инструментария в логике стимул-реакция. Фокус-группа в принципе не способна смоделировать массовую политическую символизацию, сопровождающуюся формированием нового политического смысла. Представить себе М. Л. Кинга, отрабатывающего свое “I have a dream” на фокус-группе, можно только обладая изрядным чувством юмора.

Манипулирующее воздействие речевых актов (и сопровождающего их видеоряда) в политике ограничено не столько из-за несовершенства механизмов манипуляции, сколько вследствие фрагментарного видения политической реальности в контексте самой манипуляции. Иными словами, политическая лингвистическая манипуляция *как будто бы упрощает* политическую реальность (которая продолжает оставаться качественно более сложной). Из нестыковки желаемого манипуляторами и политически действительного проистекает ограниченность манипуляции как проявление ее фрагментарного соответствия действительному контексту политики. В этом смысле *политтехнологии*, которых принято считать циниками-*реалистами* современной политики, в реальности — циники-*фантазеры*. При этом их фантазии порождаются упрощенным, а потому нереальным видением политики, а цинизм состоит в желании скрыть данную ущербность. Отождествление риторической политической аргументации с манипуляцией можно считать некорректным упрощением политической реальности в контексте политической символизации. Поэтому данная проблематика нуждается в более детальном рассмотрении.

Если брать за отправную точку анализа риторики Античность, то первоначально в ней не было ничего предвзятого. Аристотель определил риторику как способность находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета [Аристотель 1978]. Понимание аргументации в широком смысле слова делает любое речевое взаимодействие в политическом контексте потенциальным или актуальным комплексом аргументов. Даже если в политике имеет место *повествование* как описание, там все равно можно обнаружить *критику* как *нападение* на конкурирующую версию описываемых событий и *оправдание* как *защиту* от потенциальной атаки конкурирующего описания [Potter 1997]. В этом смысле комплекс риторических приемов можно рассматривать способным к самостоятельному смыслообразованию механизм политики, *производящим* новые идеи и убеждения, исходя из самой *логики аргументации*. О чем-то подобном говорят исследователи, предлагающие в качестве альтернативы существующим подходам по анализу политической реальности так называемый *риторический политический анализ* [Finlayson 2006; Finlayson 2007; Finlayson, Martin 2008].

Можно возразить, что это не более чем попытка уйти от анализа политической действительности в рефлексию политической демагогии, прикрывающей реальное положение дел. В рамках позитивистского взгляда на политику это будет действительно так. Однако с точки зрения политической символизации фантазии не менее важны для формирования политической реальности, чем эмпирические факты. В политическом контексте значительная часть информации не отрицается целенаправленно, в ходе аргументации она просто не воспроизводится в символических конструкциях политических суждений. Происходит *символическое “телескопическое” сжатие* [Мусихин 2015^b] социальных восприятий и генерализация фрагментов, актуальных для политического сообщества в конкретной обстановке. Это и показывает *символическую основу* того, что я называю *фантазией*, или *воображением*. Передача генерализованной информации о *несуществующем* составляет важную часть политической жизни, и было бы упрощением называть это демагогией.

Без воображения массовая самоидентификация в политике была бы невозможна. Люди в своем большинстве не владеют полнотой политической информации, более того, лакуны реальных знаний о политике, как правило, очень велики [Converse 1964]

и заполняются политическими фантазиями, которые *в каком-то смысле* конгруэнтны политической реальности, но самой этой реальностью в позитивистском смысле не являются. Во многом именно поэтому подавляющее большинство граждан даже в развитых либеральных демократиях не разбираются в идеологиях как таковых, но когда дело доходит до выбора, то “невежественный” электорат идеологически поступает безошибочно [Delli Carpini, Keeter 1996]. То есть не разбираясь в доктрине социализма или консерватизма, его сторонники действуют адекватно контексту, реагируя на соответствующую аргументацию политической риторики.

Политическая аргументация между мышлением и толкованием

Ораторское искусство и персональная рефлексия, очевидно, отличаются друг от друга. Однако, если делать поправку на политический контекст, то следует допустить, что при сохранении значимых отличий, механизмы смыслообразования и в том, и в другом случае сходны. При публичной политической дискуссии оратор всегда пытается выдвинуть аргументы, оспаривающие иную точку зрения, а каждый слушатель будет оценивать “за” и “против”. Явное или потенциальное столкновение позиций в политике неизбежно, поэтому *выбор одного, а не другого* в ходе суждений о политике *более вероятен, нежели выведение одного из другого* [Billig 1996, p. 185–187].

В этой связи говорить о мышлении в политике нужно с поправкой на контекст, который “превращает” *процесс мышления* как такового в *толкование как взаимодействие суждений*, без последовательного развертывания семантических значений. Поэтому давно принятый когнитивной психологией тезис, что категоризация — основа мышления, поскольку экономит психические и речевые усилия когнитивного процесса [Rosch 1978, p. 25–30], следует подвергнуть определенной ревизии. Для политической аргументации характерна не столько *последовательная категоризация* (хотя последняя, безусловно, присутствует в диалектически снятом виде), сколько *делиберативная конкретизация* как познавательная политическая активность, ведущая к выработке новых политических смыслов.

Можно сказать, что в политическом контексте *категории* выступают не *элементами мышления*, а *явлениями риторики*. Поэтому в ходе публичной делиберации категории оказываются не формообразующей силой мысли, а объектами обсуждения и аргументации. Любой акт обобщения в политической делиберации потенциально опровержим (не путать с позитивистской фальсификацией) конкретизацией, ибо в политике “особый случай”, если он реально влияет на социум, не может быть истолкован как “исключение, подтверждающее правило”. Скорее, здесь сработает концептуальная логика К. Шмитта, и исключение создаст новое правило, а не подтвердит существующее [Шмитт 1992]. Кроме того, в ходе коллективной самоидентификации члены того или иного сообщества могут наделить одну и ту же категорию совершенно разными атрибутивными свойствами (категорию равенства, например), “навесив” на нее ту или иную “этикетку”.

В последнем случае мы имеем дело с особым качеством политических нарративов, в которых основные категории *принципиально оспариваемы*, так как разногласия в данном случае не могут быть преодолены ни использованием эмпирических данных, ни семантическим упорядочиванием, ни строгим логическим обоснованием. Достаточно упомянуть такие слова, как свобода, власть, суверенитет, демократия, чтобы понять, о чем идет речь. Какие бы аргументы в обоснование данных категорий политики ни приводили, они будут подвергнуты *неконвенциональному коллективному толкованию*, порождая непредзаданную констелляцию суждений, ведущую, в свою очередь, к формированию смыслов, которые могут расходиться с целями аргументации. Таким образом, с точки зрения политической символизации, категории в политике не есть однозначные элементы познавательной деятельности. Они наделяются качествами субъектности в результате интерактивной делиберации. При этом данная субъектность будет, как правило, либо актуальна, либо потенциально дискуссионна.

Если рассматривать аттитюды в политике в качестве определенных установок, мнений и отношений, существующих у индивидов и групп в политическом контексте, то можно предположить, что социальные субъекты (а других в политике нет), занимая определенную позицию, делают это через оправдание (защиту) ее достоинств. Поэтому даже индивидуальные установки в данном контексте не могут рассматриваться только перечнем субъективных оценок. Скорее, это будет суждение по поводу чего-либо как вступление в коллективную полемику. В ходе политической символизации можно говорить не об аттитюдах вообще, но только *вербально-публичных аттитюдах*. Последние вполне могут прийти из сферы *приватного и имплицитного*, но *политическое качество* они приобретут только как *публично вербализованные*. В этой связи следует отметить, что не все мнения и представления (даже коллективные) можно считать политическими аттитюдами. Существует масса коллективных представлений, которые публично не оспариваются, будучи некими элементами здравого смысла. Только реально или потенциально спорные вопросы способны приобрести качество политических аттитюдов, по поводу которых высказываются определенные суждения. При этом политические акторы, целенаправленно иницирующие формирование определенных аттитюдов, обязательно выстраивают упорядоченную линию *аргументации* как набор тех, а не иных аргументов.

В политическом контексте любая линия *аргументации* имеет смысл только как выстроенная по отношению к реальной или ее возможная *альтернатива*. Если последней нет ни в действительности, ни потенциально (как констелляции условий, затрагивающих позиции значимых социальных групп), то в публичной аргументации нет смысла, и она попросту не будет вербализовываться. Так как альтернатива не всегда актуализована, то и аргументация не всегда носит открыто дискуссионный характер. Более того, она может выдаваться за очевидную истину, вытекающую из здравого смысла. Однако, если такая аргументация имеет место, то общепринятым здравым смыслом она уже не является, так как последний не нуждается в публичном обосновании. Если в ходе политической делиберации озвучивается тезис “рынку нет альтернативы”, значит, в обществе наверняка присутствуют значимые социальные группы, страдающие от рыночного механизма и готовые выдвинуть (или уже выдвинули) альтернативную аргументацию.

Подобные линии аргументации можно назвать *пропагандой*. Последняя, как правило, не возникает на основе повседневных коллективных аттитюдов. Социальная и политическая *рутина* не способна выйти за рамки обыденных обоснований тех или иных позиций и обыденных же оспариваний альтернативных позиций. В современной политике пропагандистские механизмы запускаются только в случае серьезных социальных проблем (или успехов). Для выстраивания таких механизмов нужна достоверная информация об адресных группах пропагандистского воздействия, которая добывается только в ходе социологических исследований.

Пропаганда как линия аргументации обязательно должна быть внутренне согласована. Однако успешность ее воздействия в контексте политической символизации вызвана отнюдь не удовлетворением потребности в когнитивной согласованности суждений. Последнее чаще всего присутствует в пропагандистских посланиях, но для процессов политической символизации подобная согласованность есть диалектически снятый элемент. Такая потребность в когнитивной согласованности суждений *формируется* пропагандой с помощью *насаждаемых* коллективных аттитюдов признания и надежности. Однако такая искусственно сформированная когнитивная потребность нуждается в постоянной поддержке, выражающейся в непрерывной словесной (или визуальной) мотивации. В противном случае альтернативная линия аргументации, или рутина повседневности, ослабит нужную реакцию сообщества на пропагандистское послание.

Ситуация меняется, если пропаганда приводит в действие процесс *неконвенциональной коллективной самоидентификации*, когда запущенные линии аргументации начинают самостоятельно толковаться в коллективных суждениях. Но результат такой обратной связи оказывается непредсказуем и может выйти за рамки изначально задуманного пропагандистами-технологами механизма “стимул-реакция”. Будет дан толчок процессу формирования новых коллективных смыслов политики, представляющих для

инициаторов определенной линии аргументации еще большую опасность, нежели изначальная, так как возникнут качественно новые социальные “линии расколов”, которые сделают прежние линии аргументации неуместными и устаревшими.

Что-то подобное произошло с пропагандой монархии во Франции второй половины XIX в. Линия аргументации пафоса *порядка*, проводимая монархистами, с определенного момента была истолкована сторонниками порядка во французском обществе как *сильная республика*, сделав альтернативной линией аргументации *справедливую республику* [Fortescue 2000, р. 24–79]. В этом контексте пропаганда монархии *потеряла смысл*. Поэтому придавать пропаганде значение эффективного регулятора коллективного сознания вряд ли стоит. Рискуно утверждать, что *тотальная мощь пропагандистского воздействия – устоявшаяся политическая мифологема*. Силу пропаганде сообщают не столько ее механизмы и ресурсы, сколько политический контекст, в котором она разворачивается. Пропаганда не может вложить людям в голову устойчивые элементы восприятия как мировоззрение. В ходе коллективного толкования политики вряд ли зафиксируется использование выкристаллизовавшихся политических и идеологических установок. Для актуальных политических дискуссий характерно, что *гибкость риторики*, как правило, преобладает над *твердостью убеждений*, даже если таковые имеются. Не следует это объяснять тотальным конформизмом. Скорее, имеет место ориентация на контекст делиберации, участники которой хотят быть услышанными как носители обоснованной позиции. Это сообщает текучесть политическим смыслам в ходе коллективного интерактивного толкования, создавая благоприятные условия для возникновения нового качества таких смыслов.

Однако было бы большим допущением предполагать постоянное возникновение новых смыслов политики. Повседневный политический нарратив насыщен банальными политическими суждениями, которые либо отсылают к общеизвестным фактам, либо апеллируют к укорененным моральным ценностям. Поэтому обыденная политическая риторика, как правило, апеллирует к здравому смыслу аудитории – конструкту, состоящему из подобных банальностей. Последние обычно обозначаются широко употребляемыми терминами с крайне абстрактным содержанием (право, демократия, свобода, равенство, справедливость, отечество, народ, прогресс, порядок, безопасность и т.д.). Из-за этого в политическом контексте данные термины получают *множественное нормативное толкование*. И если с точки зрения формальной логики это вызывало бы дискомфорт, то в политической реальности такое несовпадение смыслов признается вполне уместным и оправданным, а споры по поводу таких “очевидных” банальностей трактуются не как глупость или неграмотность, а как *активная гражданская позиция*.

Риторическая апелляция к общеупотребительным банальностям *как бы* предполагает, что участники политической делиберации будут реагировать предсказуемо, так как “все же знают, что дела обстоят именно так, а не иначе”. При этом в реальности, как правило, имеет место дискуссия по поводу того, как “обстоят дела”, а значит, ожидание предсказуемой реакции есть попытка выдать *пропагандистски желаемое за политическое действительное*. Понимание вышеописанного механизма помогает избавиться от позитивистского клише о стереотипе иррациональности здравого смысла. Если рассматривать действие механизма здравого смысла в политике не с формально логических (или строго семантических) позиций, а как элемент политической символизации, то такой механизм вполне поддается упорядоченному анализу.

Кроме того, особенности развертывания банальностей в политическом контексте требует ревизии когнитивной функции идеологий. С точки зрения последней, социальные группы выступают пассивными получателями системы политических верований как когнитивной карты политики. Получается, что идеологии (даже радикальные) упорядочивают (а значит, консервируют) политическое пространство *событий* как *status quo*, создавая всеобъемлющую констелляцию идей, убеждений и ценностей в политике [Jost, Federico, Napier 2009]. Однако в реальности все идеологические максимы подвергаются публичному (и/или приватному) толкованию с позиций здравого смысла реальных или потенциальных сторонников той или иной идеологии. И результат этого толкования не

предзадан, а потому неконвенционален. Не будучи экспертами-идеологами, *члены политических сообществ толкуют идеологии не содержательно, а риторически*. Поэтому широкое принятие идеологии даже ядерным электоратом происходит чаще всего не в терминах “да, а как же иначе”, а в терминах “и все-таки, да” [Billig 1991, p. 2].

Участники политического сообщества — сторонники либерализма чаще всего не разбираются (и не обязаны разбираться) в соотношении равенства возможностей и условий, в беспристрастной или честной справедливости в соотношении индивидуализма и общего блага. Однако все вышеперечисленное подвергается обыденному риторическому (а потому дуальному — может быть так, а может быть иначе) толкованию в суждениях о гендерном равенстве, о доступности образования и медицинской помощи, о допустимости предрассудков и т.д. С точки зрения *экспертного знания* — это разговоры *дилетантов*, непоследовательные в своих суждениях, с точки зрения политической *символизации* — это формирование *общих убеждений и представлений*. Поэтому сторонники гендерного равенства на уровне здравого смысла могут оговариваться, например, что “работодателей можно понять”, скажем, в случаях нежелания брать на работу молодых женщин, которые с высокой долей вероятности уйдут в декретный отпуск. Для идеологии современного феминизма такое сочувственное “понимание” есть проявление гендерной эксплуатации, которую “обыденные” сторонники равенства мужчин и женщин (то есть считающие себя таковыми) могут попросту не считать эксплуатацией, хотя вполне могут проголосовать на выборах за программу ее искоренения.

Риторика как фиксация политических смыслов аргументации

Хотя в политической реальности мы постоянно сталкиваемся с аргументацией, красноречием и косноязычием (воспринимая последнее неуместным в политическом контексте), ни на теоретическом, ни на эмпирическом уровне *политика почти не анализируется с позиции ее собственной аргументации* [Garsten 2011]. Чаще всего на политику накладываются модели, созданные вовне (в аналитической философии, в теории рационального выбора, в статистическом анализе, семантике и т.д.). В результате анализируется не собственно политика, а ее “тени” в “пещере Платона”. А так как “осветительные приборы” очень разные, “тени” одного и того же предсказуемо отличаются вплоть до абсолютной несопоставимости.

В качестве альтернативного видения можно отметить так называемый *риторический политический анализ*, который рассматривает принятие политических решений сквозь призму самой актуальной дискуссии в ходе обсуждения данного вопроса [Finlayson 2007]. Подобный анализ требует важного допущения о *несводимости публичной жизни к одной существующей политической позиции*. Политические идеи и убеждения должны доказывать свою уместность и убедительность в столкновении с другими идеями и убеждениями. В этой связи политика характеризуется не *наличием тех или иных позиций, а способом отстаивания этих позиций в публичной дискуссии*. При этом следует помнить, что при отслеживании актуального столкновения аргументов будет подвергаться диффузии теоретически выстроенная иерархия политических категорий. На первый план способны выходить вопросы, которые, с точки зрения экспертного знания, не могут быть решены до урегулирования более глубинных проблем.

Надвигающаяся на развитые страны волна нелегальной миграции вызывает публичные дискуссии. Очевидно, что миграция порождена очень серьезными диспропорциями современного мира, но в актуальной делиберации эти глубинные проблемы не находятся на первом плане. Можно сказать, что такая делиберация *поверхностна*. Но актуальные политические *решения* вырабатываются именно в ходе таких делибераций. Хотя эти действия не всегда эффективны именно потому, что принимаются в рамках столкновения коллективных суждений об их смысле. *Нецелесообразно* называть это *неэффективностью*, а тем более непрофессионализмом, так как в названных терминах некорректно характеризовать актуальное состояние *самоосознания политического сообщества*. Противоположной и столь же бессмысленной (бессодержательной) будет ссылка на пресловутую *культуру общества*, которая объясняет то, что ничего не объясняет [Thompson, Verweij, Ellis 2006].

Принципиальная *диалогичность* процесса политической аргументации подразумевает, что политические идеи и убеждения не просто выражаются в ходе дебатов. Политические представления, ценности и намерения формулируются в ходе диалогичной аргументации *не как обнаружение общего основания, а как конструирование соглашения* (или понимания невозможности такового) в рамках самого процесса аргументации. В такой аргументации, несмотря на ее контекстуальное многообразие, можно выделить общие характеристики/этапы, если признать, что характер аргументации является *риторическим*. Во-первых, будет публично высказано предположение о существовании (возможности существования) определенного положения дел (скажем, выборы были подтасованы). Во-вторых, произойдет присваивание имени (альтернативных имен) обсуждаемой проблеме (например, выборы недействительны, выборы состоялись). В-третьих, будет дана оценка характера обсуждаемой проблемы (версия: фальсификация воли народа, реальный выбор народа искажен возможными нарушениями). В-четвертых, произойдет обозначение легитимных границ аргументации, то есть кем, когда, где и как возникшая проблема может быть рассмотрена (варианты: призыв к гражданскому неповиновению, апелляция к законным процедурам) [Condor, Tileagă, Billig 2013, p. 275]. При этом вариантов на каждой стадии может быть больше, чем два. Кроме того, анализу поддается и само *качество выдвигаемых аргументов*, коль скоро они риторические: 1) апелляция к общим принципам или конкретным деталям (чего больше, на чем смысловой акцент); 2) характер используемых метафор, риторических банальностей в нарративе; 3) стилистика оформления механизма убеждения (апелляция к этосу, пафосу или логосу); 4) жанр речевого обращения (совещательный, судящий, поучающий); 5) риторическая связь конкретных аргументов с общими идеологическими и политическими установками и обязательствами [Condor, Tileagă, Billig 2013, p. 276].

Важно, однако, помнить, что анализ политической аргументации в контексте политической символизации следует предпринимать не для фокусирования на процессе принятия решения, в ходе которого политические акторы могут выстроить надежную аргументацию как основу для совместных действий. Здесь гораздо важнее зафиксировать *качество аргументации*, чреватое производством *новых смыслов*, способствующих коллективному самоосознанию как социальной самоидентификации.

Адресная аудитория как “порождение” риторического конструкта идентификации

Очевидно, что в политическом контексте на аудиторию может оказать влияние не только стиль и содержание аргументов, но и характер самого говорящего. Здесь возникает крайне сложный и неоднозначный вопрос идентичности источника аргументации как участника коммуникации. Если принять тождественность индивидуального самосознания участнику политической коммуникации, то это отсылает нас к психологии личности и делает трудноосуществимой задачу исследования вообще. Проводить эмпирически корректные психологические исследования личности политиков возможно, если они на это согласятся. Однако в контексте политической реальности это маловероятно. Еще менее это возможно по отношению к массовой аудитории — адресату политических посланий.

Большая исследовательская перспектива возникает, если считать подобную *идентичность* результатом самого *механизма* аргументации как речевой ситуации, производящей политический смысл. В этой связи следует говорить *не столько об идентичности, сколько об идентификации* — стремлении быть убедительным через *квазиотождествление с аудиторией*. То есть как попытка (успешная или нет) говорить на языке аудитории, вести себя *как будто бы* участник данной аудитории, чтобы “завлечь” ее в *реальность* уже собственной для политического ратора аргументации. В результате успешности такого взаимодействия возникает *общая символическая реальность* достоверности аргументации, где ни ритор, ни аудитория уже *как будто бы* не полностью те, кем были прежде, образуя новое субстанциональное *единство*, способное производить новые *смыслы*. Способы построения такой символической реальности сложны для исследований, но все же реализуемы (в отличие от эмпирического анализа в рамках психологии личности).

Во-первых, инициатор политической аргументации может представить свои риторические конструкты как путь к политическому согласию людей, а не политиков. Во-вторых, аргументация может очевидным образом адресоваться определенному сообществу в целом. В-третьих, она может подаваться в терминах желаемого, а не действительного, тем самым отождествление с аудиторией *как будто бы честно* обозначается как проект будущего, а не реальное состояние. И наконец, у ратора всегда есть возможность имплицитно отождествить себя с любой (даже состоящей из непримиримых частей) аудиторией, используя местоимение “мы” [Condor, Tileagă, Billig 2013, p. 277].

Самый простой способ *отождествления* инициатора политической аргументации с аудиторией — адресный выбор той, а не иной аудитории. При этом совершенно не обязательно, чтобы адресная аудитория была объектом непосредственной коммуникации. Очень часто политики, выступающие в парламенте, апеллируют не к парламентариям, а к “народу”, подчеркивая свою якобы близость к простым людям и чуждость коллегам. Тем самым делается попытка придать парламентской речи новый смысл: речь профессионального политика предлагается считать гласом народа в стенах властного органа.

Политическая аргументация, направленная на *идентификацию* источника аргументации и *оппонирующая* существующим политическим силам, может осуществляться через прямую апелляцию к новому смыслу политики, когда обозначаются новые линии размежевания (или последние просто называются новыми). В этом случае политик *как бы* не борется со своими оппонентами, выступает *как бы* фрондером ко всей актуальной политике с ее “дрязгами” и через голову такой политики апеллирует непосредственно к людям.

Один из примеров такой апелляции — успех Б. Обамы в 2008 г. На старте избирательной кампании он “дискредитировал” существующие расколы американской политики: богатые против бедных, молодые против старых, черные против белых и даже демократы против республиканцев, призвав оставить эти расколы в прошлом. Поэтому образовалась новая линия размежевания: прошлое против будущего. Обама идентифицировал себя с будущим как со стороной конфликта, а не как с еще не существующим американским обществом. Такой прием использовался в знаменитой речи М.Л. Кинга (и эту связь сразу заметили). Обама апеллировал к избирателям, призывая их встать *на сторону будущего уже в настоящем*. Эксперты могли сколько угодно говорить и писать, что в этом нет ничего нового. Ф. Рузвельт, Дж. Кеннеди, У. Клинтон делали примерно то же самое. Но принципиально, что в сложившемся в 2008 г. политическом контексте большая часть американских избирателей истолковали предложенную Обамой альтернативу как *свой выбор*.

Идентификация политического актора через апелляцию к определенному сообществу в целом — по сути, попытка обращения к *разнородной аудитории как к однородной адресной группе*. При этом данное обращение будет *эксплицитным* (“Россияне!”), как и приписываемые данной адресной группе общие качества, а редуцирование действительного многообразия группы к ее идентификационным качествам *имплицитным*. То есть данному сообществу “предлагается” *быть теми, кем “хочет” их видеть источник политической аргументации*, выступающий инициатором идентификации себя с данной адресной группой в рамках квазиотождествления на предложенных им (источником аргументации) основаниях. Основания эти могут быть в высшей степени ситуативными и разнообразными, включая как общеизвестные идеологические принципы, так и конъюнктурные политические компоненты. В современной политической науке есть эмпирические исследования, которые пытаются анализировать механизм формирования подобной идентификации, выделяя его составные элементы. При этом политические *лидеры* уподобляются *продюсерам*, обеспечивающим производство и продвижение новой коллективной идентичности:

— перегруппировки разнородных социальных элементов в единую социальную общность на предлагаемом категориальном основании идентичности;

— презентации политического проекта как способа реализации норм и ценностей предлагаемой идентичности;

— самопрезентации лидера (лидеров) как прототипа и участника новой коллективной идентичности [Reicher, Hopkins 2001].

Степень политической *символизации* подобной идентификации, как правило, *незначительна*. К “россиянам” могут апеллировать и президент РФ, и лидер КПРФ. Очевидно, что предлагаемые основания отождествления будут разными и ожидаемыми, поэтому и коллективное толкование такого обращения вряд ли будет неконвенционально новым и скорее всего не приведет к изменению коллективного самоосознания. Исключения могут иметь место, когда присутствует комбинация чрезвычайных обстоятельств и нетривиальные основания для коллективной идентификации, предлагаемые инициатором такого отождествления. К примеру, вспомним знаменитое обращение “Братья и сестры!”, произнесенное И. Сталиным в начале Великой Отечественной войны. По сути, религиозный вокабуляр в устах воинствующего атеиста был истолкован массовой аудиторией как катарсис, необходимый для единения во имя выживания.

В условиях серьезных социальных и политических расколов возможность апелляции к идентичности *как бы* единой адресной группы может быть заблокирована принципиальной непреодолимостью таких расколов даже в категориях должного. В этом случае один из самых распространенных способов идентификации для политиков — апелляция к единому сообществу будущего. Инициатор подобной идентификации говорит от имени тех, кого еще нет (единая нация, сплоченное гражданское общество и т.д.). Такой способ идентификации больше других похож на *утопию*, поэтому его реальный потенциал инициирования коллективного самоосознания людей, живущих в конфликтном настоящем, достаточно ограничен. Чаще всего к нему прибегают не с целью сплотить (или создать) решающее большинство здесь и сейчас, а для защиты притесняемого в настоящем меньшинства. Чтобы такой способ аргументации привел к массовому отождествлению инициатора послания с аудиторией, социальный раскол должен быть очевиден для всех его участников. Кроме того, все значимые участники политической делиберации (независимо от того, на чьей они стороне) должны воспринимать сложившееся положение как нуждающееся в каком-то разрешении. В этом случае инициатор послания может *отождествить неудовлетворенность* (которая есть у всех) с *несправедливостью* (которая обязательно выделяет притесняемых и притесняющих) и апеллировать к “линии горизонта”, за которой возникнет принципиально новое качество сообщества, снимающее актуальный в настоящем раскол.

Классический пример такого риторического приема — уже упоминавшаяся знаменитая речь М.Л. Кинга и слоган, который стал спусковым механизмом действительной политической символизации как массового коллективного самоосознания. Помимо прочего, в данном случае сработал эффект неожиданности. На грандиозном митинге протеста у мемориала А. Линкольна, собравшем около 300 тыс. человек, Кинг выступил не с речью протеста, которую все (как сторонники, так и противники) ждали, а с призывом к строительству новой единой американской нации, причем сделал это в терминологии, близкой *каждому* американцу: “*I have a dream*”. Понятно, что он защищал прежде всего права афроамериканцев, однако его призыв поднял на новый уровень коллективное осознание недопустимости расовой дискриминации во всех слоях американского общества.

Наряду с явными риторическими способами идентификации политиков, могут иметь место и приемы неявной, расходящиеся с открыто обозначенной позицией [Condor, Abell 2006]. Эти имплицитные приемы могут быть как вербальными (стиль речи, особенности использования местоимений), так и невербальными (элементы одежды, жестикуляция).

Наиболее простой способ имплицитного отождествления политика с аудиторией — использование местоимения “мы” и его производных в обращениях, где нет непосредственного обсуждения вопросов, касающихся конкретных лиц (“нас”). Поэтому призыв к достижению заявленной цели, с одной стороны, обозначает ее как общую, но с другой — эта коллективная идентификация совершается неявно, так как не конкретизируется, кто именно должен двигаться к намеченной цели. И сам инициатор послания, имплицитно снимая с себя персональную ответственность, делит ее с аудиторией, границы

которой неясны. Четкости подобных границ не прибавляется, даже если использовать в риторической политической аргументации парную понятию “мы” категорию “они”. Оговорюсь, что не стоит путать приемы имплицитной идентификации с делением на “мы-они”, в котором в основе аргументации лежит само размежевание, четкое и “не обсуждаемое”. В рассматриваемом здесь механизме “ими” чаще всего оказываются политические оппоненты, которые тем самым имплицитно выводятся за границы “нас”, даже если среди “нас” есть значительное число “их” сторонников.

Неопределенность контекстуального политического “мы” создает возможность после стартового имплицитного отождествления запустить механизм аргументации, которая будет уже явно альтернативна “нашей”: “Мы все ищем, кто виноват, давайте подумаем, что делать”. В данной модели аргументации очевидна смысловая подмена. По смыслу следовало бы сказать: “Вы ищете, кто виноват, я предлагаю подумать, что делать”. При этом подмена настолько очевидна, что может быть раскрыта без особых усилий даже теми, кто не обладают филологическими навыками. Однако в случае убедительной аргументации этого не происходит. То есть “мы” как будто бы отождествляют себя с источником аргументации, делая ход его мыслей *как бы своим*.

При всей адресной неопределенности данного способа аргументации для него существуют серьезные статусные ограничения, самое существенное из которых — богатство политика. Последнее само по себе не мешает его популярности даже у носителей левых политических взглядов. Однако употреблять стремительные способы их преодоления для таких политиков неуместно. В противном случае возникает “казус Якунина”, когда призывы к умеренности, адресованные политическому сообществу, диссонируют с личным “шубохранилищем” (не важно, реальным или вымышленным).

Если говорить о визуальных способах идентификации, то одним из самых очевидных по форме (но не всегда по содержанию) будет стиль одежды. Один из наиболее ярких примеров политических “переодеваний” — пристрастие политиков-республиканцев США к ковбойской одежде. При этом подавляющее большинство этих политиков в принципе не сталкивались с фермерским образом жизни и родом деятельности. А сами фермеры составляют крайне незначительную часть современного американского электората, чтобы прилагать такие фэшн-усилия для его привлечения. Скорее, здесь имеет место имплицитная солидаризация с американской традицией свободных первопроходцев Запада, созвучная либертарианским установкам идеологии значительной части республиканцев.

* * *

Риторическая основа политической аргументации как механизма политической символизации с очевидностью демонстрирует, что формируемые этим механизмом смыслы политики сложно анализировать в категориях истинно-ложно, действительное-иллюзорное, эмпирически данное-воображаемое. Само понятие *факта* применительно к риторике политической аргументации приобретает труднофиксируемое значение. В этой связи, на мой взгляд, целесообразнее оперировать понятием *риторической политической ситуации* как явлением *политической реальности*. Эта ситуация возникает в процессе политической аргументации, когда политические акторы могут одновременно демонстрировать несколько модусов своей идентичности как процесса идентификации. И ни один из этих модусов нельзя идентифицировать однозначно — эмпирически действительно или иллюзорно. В контексте политической символизации все эти модусы *реальны*.

Элементы такой ситуации контекстуально могут быть крайне разнообразны как сами по себе, так и по возможным способам их изучения. Здесь может иметь место прямая дискуссия, однонаправленное послание, свободная делиберация. При этом может присутствовать разнообразный медийный инструментарий. Соответственно, коллективное толкование политической аргументации как комплекс суждений также может быть крайне разнообразным.

Если рассматривать риторические политические ситуации в контексте политической символизации, то следует исходить из того, что при изложении политических аргументов и при толковании последних, действия участников данных ситуаций не будут исчерпывающим образом определяться ни конкретными нормами, ни спецификой социального контекста, ни стремлением снизить издержки неопределенности. Политическая коммуникация в таких ситуациях, как правило, будет провоцировать *эпистемологические и нравственные дилеммы*, делающие нормативную и утилитарную оценку *неоднозначной*, а потому *неконвенциональной*. Однако особенность политической реальности в том, что такая оценка обязательно *последует*.

Описывая риторические политические ситуации в категориях эстетики, их можно уподобить театру, где и актеры, и зрители понимают, что участвуют в спектакле, но оценивают ситуацию и ведут себя так, *как будто бы* все происходит на самом деле. Поэтому политики, используя риторiku, как бы апеллируют к реальности как она есть, а их адресаты *оценивают*, насколько такая риторика *как бы* соотносится с действительностью. В этой ситуации вполне работает пушкинский идеальный тип эстетического взаимодействия “над вымыслом слезами обольюсь”, где “вымысел” как риторическая аргументация вызывает “слезы” как реальное коллективное политическое действие и политиков (над вымыслом, слезами обольюсь), и адресатов их аргументации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аристотель (1978) Риторика // Античные риторик. М.: Лабиринт. С. 15–164.
- Мусихин Г.И. (2015^a) Концептуализация политической символизации // ПОЛИС. № 5. С. 130–144.
- Мусихин Г.И. (2016) Политическая риторика как квазисимволизация? // Социологическое обозрение. № 2. С. 66–86.
- Мусихин Г.И. (2015^b) Символизация как контекстуальный синтез политической онтологии, политической эпистемологии и политического языка // Общественные науки и современность. № 6. С. 45–57.
- Шмитт К. (1992) Понятие политического // Вопросы социологии. Т. 1. С. 35–67.
- Billig M. (1996) *Arguing and Thinking: A Rhetorical Approach to Social Psychology*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Billig M. (1991) *Ideology and Opinions*. London: SAGE.
- Burman E., Parker I. (1993) *Discourse Analytic Research*. London: Routledge.
- Chilton P. A. (1998) *Politics and Language* // *Concise Encyclopaedia of Pragmatics*. London: Elsevier. Pp. 688–694.
- Condor S., Abell J. (2006) *Vernacular Accounts of National Identity in Post-devolution Scotland and England* // *Devolution and identity* / Ed. J. Wilson, K. Stapleton. Aldershot: Ashgate. Pp. 51–76.
- Condor S., Tileagă C., Billig M. (2013) *Political Rhetoric* // *The Oxford Handbook of Political Psychology* / Ed. L. Huddy, D. O. Sears, J. S. Levy. Oxford: Oxford Univ. Press. Pp. 262–297.
- Converse P. (1964) *The Nature of Belief Systems in Mass Publics* // *Ideology and Discontent* / Ed. D. Apter. New York: Free Press. Pp. 206–261.
- Delli Carpini M., Keeter S. (1996) *What Americans Know about Politics and Why it Matters*. New Haven: Yale Univ. Press.
- Dryzek J. S. (2010) *Rhetoric in Democracy* // *Political Theory*. № 38. Pp. 319–339.
- Edwards D. (1997) *Discourse and Cognition*. London: SAGE.
- Fairclough N. (2001) *Language and Power*. London: Longman.
- Fairclough N. (2000) *New Labour, New Language?* London: Routledge.
- Finlayson A. (2006) *For the Sake of Argument: Re-imagining Political Communication* // *Soundings*. № 44. Pp. 34–43.
- Finlayson A. (2007) *From Beliefs to Arguments: Interpretative Methodology and Rhetorical Political Analysis* // *British Journal of Politics and International Relations*. № 9. Pp. 545–563.
- Finlayson A., Martin J. (2008) “It ain’t what you say...”: British political studies and the analysis of speech and rhetoric // *British Politics*. 3. Pp. 445–464.
- Fortescue W. (2000) *The Third Republic in France, 1870–1940: Conflicts and Continuities*. London; New York: Routledge.
- Garsten B. (2011) *The Rhetoric Revival in Political Theory* // *Annual Review of Political Science*. № 14. Pp. 159–180.

- Harré R., Gillett G. (1994) *The Discursive Mind*. London: SAGE.
- Jost J.T., Federico C.M., Napier J.L. (2009) Political Ideology: Its Structure, Functions and Elective Affinities // *Annual Review of Psychology*. № 60. Pp. 307–337.
- Potter J. (2000) Post-cognitive Psychology // *Theory & Psychology*. № 10. Pp. 31–37.
- Potter J. (1997) *Representing Reality*. London: SAGE.
- Reicher S., Hopkins N. (2001) *Self and Nation*. London: SAGE.
- Rosch E. (1978) Principles of Categorization // *Cognition and categorization*/ Ed. E. Rosch, B. B. Lloyd. Hillsdale (NJ): Erlbaum. Pp. 27–48.
- Shotter J. (1993) *Conversational Realities: Constructing Life Through Language*. London: SAGE.
- Thompson M., Verweij M., Ellis R. J. (2006) Why and How Culture Matters // *The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis*. Oxford: Oxford Univ. Press. Pp. 319–340.

Rhetorical argumentation and political symbolization

G. MUSIKHIN*

*Musikhin Gleb – doctor of Political sciences, Adviser to the Chairman of the Moscow Confederation of Industrialists and Entrepreneurs (Employers). Address: 39, Malaya Grusinskaya st., Moscow, 123557. E-mail: glebmus@yandex.ru

Abstract

The article sheds the light upon theoretical analysis of the political argumentation as a mechanism of political meanings' production, declared, displayed and articulated during political deliberation process. Language used in political argumentation is considered to be a political communicative action itself rather than just a reflection of a political processes. The complex of rhetorical techniques is conceptualized as a political mechanism, capable of an autonomous self-production, making new ideas and beliefs out of the argumentation logic itself. The last is characterized by a deliberate specification as a cognitive political activity, aimed at new political meanings construction. Therefore, in political context a category is no longer an element of a cognitive process, but a rhetoric phenomena. The notion of the fact in relation to political rhetoric argumentation is not so easily determined. It is more appropriate to use the notion of the rhetoric political situation as a phenomenon of the political reality in its essence.

Keywords: political symbolization, rhetoric, political argumentation, rhetoric political analysis, rhetoric political situation.

REFERENCES

- Aristotle (1978) *Ritorika* [Rhetoric]. *Antichnye ritoriki* [Ancient rhetoric]. Moscow: Labirint, pp. 15–164.
- Billig M. (1996) *Arguing and Thinking: A Rhetorical Approach to Social Psychology*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Billig M. (1991) *Ideology and Opinions*. London: SAGE.
- Burman E., Parker I. (1993) *Discourse Analytic Research*. London: Routledge.
- Chilton P.A. (1998) Politics and Language. *Concise Encyclopaedia of Pragmatics*. London: Elsevier, pp. 688–694.
- Condor S., Abell J. (2006) Vernacular Accounts of National Identity in Post-devolution Scotland and England. *Devolution and Identity*. Ed. J. Wilson, K. Stapleton. Aldershot: Ashgate, pp. 51–76.
- Condor S., Tileagă C., Billig M. (2013) Political Rhetoric. *The Oxford Handbook of Political Psychology*. Ed. L. Huddy, D. O. Sears, J. S. Levy. Oxford: Oxford Univ. Press, pp. 262–297.
- Converse P. (1964) The Nature of Belief Systems in Mass Publics. *Ideology and Discontent*. Ed. D. Apter. New York: Free Press, pp. 206–261.
- Delli Carpini M., Keeter S. (1996) *What Americans Know about Politics and Why it Matters*. New Haven: Yale Univ. Press.
- Dryzek J.S. (2010) Rhetoric in Democracy. *Political Theory*, no. 38, pp. 319–339.
- Edwards D. (1997) *Discourse and Cognition*. London: SAGE.

- Fairclough N. (2001) *Language and Power*. London: Longman.
- Fairclough N. (2000) *New Labour, New Language?* London: Routledge.
- Finlayson A. (2006) For the Sake of Argument: Re-imagining Political Communication. *Soundings*, no. 44, pp. 34–43.
- Finlayson A. (2007) From Beliefs to Arguments: Interpretative Methodology and Rhetorical Political Analysis. *British Journal of Politics and International Relations*, no. 9, pp. 545–563.
- Finlayson A., Martin J. (2008). “It aren’t what you say...”: British political studies and the analysis of speech and rhetoric. *British Politics*, no. 3, pp. 445–464.
- Fortescue W. (2000) *The Third Republic in France, 1870–1940: Conflicts and Continuities*. London, New York: Routledge.
- Garsten B. (2011) The Rhetoric Revival in Political Theory. *Annual Review of Political Science*, no. 14, pp. 159–180.
- Harré R., Gillett G. (1994) *The Discursive Mind*. London: SAGE.
- Jost J.T., Federico C.M., Napier J.L. (2009) Political Ideology: Its Structure, Functions and Elective Affinities. *Annual Review of Psychology*, no. 60, pp. 307–337.
- Musikhin G.I. (2015^a) Konceptualizaciya politicheskoy simvolizacii [Conceptualization of political symbolization]. *POLIS. Politicheskie issledovaniya*, no. 5, pp. 130–144.
- Musikhin G.I. (2016) Politicheskaya ritorika kak kvazisimvolizaciya? [Political rhetoric as quasisymbolization?]. *Sociologicheskoe obozrenie*, no. 2, pp. 66–86.
- Musikhin G.I. (2015^b) Simvolizaciya kak kontekstual’nyj sintez politicheskoy ontologii, politicheskoy ehpiistemologii i politicheskogo yazyka [Symbolization as a contextual synthesis of political ontology, political epistemology and political language]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost’*, no. 6, pp. 45–57.
- Potter J. (2000) Post-cognitive Psychology. *Theory & Psychology*, no. 10, pp. 31–37.
- Potter J. (1997) *Representing Reality*. London: SAGE.
- Reicher S., Hopkins N. (2001) *Self and Nation*. London: SAGE.
- Rosch E. (1978) Principles of Categorization. *Cognition and categorization*. Ed. E. Rosch, B. B. Lloyd. Hillsdale, NJ: Erlbaum, pp. 27–48.
- Shotter J. (1993) *Conversational Realities: Constructing Life Through Language*. London: SAGE.
- Shmitt K. (1992) Ponyatie politicheskogo [The concept of political]. *Voprosy sociologii*, vol. 1, pp. 35–67.
- Thompson M., Verweij M., Ellis R.J. (2006) Why and How Culture Matters. *The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis*. Oxford: Oxford Univ. Press, pp. 319–340.